

Е. А. Салиас

Аракчеевский сынок

Исторический роман

Евгений Андреевич Салиас. Аракчеевский сынок; Аракчеевский подкидыш.-- СПб: "Печатный Двор", 1993.

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Шел 1824 год; был август месяц. Далеко за полночь, среди заснувшего Петербурга, лишь одна Большая Морская была еще довольно изрядно освещена десятком тусклых фонарей с закоптелыми стеклами, но была пустынна из конца в конец. Все спало здесь давно, так же как и во всей столице... Лишь изредка громыхала гитара-дрожки ночного извозчика, и в них, сидя верхом, как на коне, тащился домой запоздавший обыватель... Пешеходов почти не было... Холодный порывистый ветер и крупный дождь одни бушевали на дворе. Только в одном месте, на углу узкого и темного переулка, упирившегося в огромное недостроенное здание -- было несколько светлее и люднее.

Здесь, близ парадного крыльца, освещенного большим фонарем, стояло несколько экипажей; но лишь одни промокшие кони невольно бодрствовали, двигались, встряхивались, фыркали, били копытами о землю. Кучера, все без исключения, кутаясь и ежась от непогоды, дремали или крепко спали по своим козлам, как на дрожках, так и на больших колымагах... Два фореитора на передних лошадях двух карет, запряженных цугом, тоже дремали в седлах, распустив поводья и сбросив стремена.

Сборище, гости и ночное пированье были здесь, в квартире второго этажа,-- явлением обычным. Соседи-обыватели привыкли к тому, что почти каждую ночь, чуть не до рассвета, на улице, у подъезда угольного дома, бывало людно, а в самой квартире и людно и чересчур иногда шумно. Все знали, конечно, что это "господа офицеры гуляют у известного питерского блазня".

В эти времена, гвардия отличалась и славилась буйными кутежами, с особенной распушенностью нравов и поступков. Жалобы на самодурство, уличные дерзости и публичные оскорбительные шалости, слышались отовсюду во всех слоях общества. Говор и ропот по поводу буйных выходок гвардейцев часто достигали и до слуха государя Александра Павловича, но лишь изредка виновные наказывались, да и то сравнительно легко, и всякого рода соблазны шли, конечно, своим чередом.

Некоторые из офицеров стали известны дикими, иногда оскорбительными, выходками и были своего рода знаменитостями. Их звали "публичными блазнями", всячески избегали в общественных местах из чувства самосохранения; но с дикостью и безнаказанностью поведения этих "блазней" приходилось мириться поневоле.

И только за последнее время одно новое "колено" этих блазней заставило общество несколько встрепенуться и начать снова громко роптать. Дело было несколько "изряднее" прежних и напугало отцов семейств. Случилось, что одна молодая девушка, красавица, только что вышедшая из института, исчезла во время одного бала и пропадала без вести в продолжение трех суток. Найденная полицией в большой квартире, никем не нанятой и даже не меблированной, девушка оказалась жертвой трех неизвестных ей обольстителей, которые ее обесчестили и бросили запертою в пустой квартире. Единственное, что знала несчастная и могла доказать обвязанным на ее руках военным шарфом, что злодеи были гвардейцы.

Но виноватых не нашлось...

В доме, на Большой Морской, у которого ночью стояло столько экипажей, жил один из самых известных кутил-шалунов и блазней. Это был артиллерийский офицер Шуйский, всему Петербургу лично знакомый по двум причинам. Во-первых, он чуть не еженедельно совершал какое-нибудь буйство или скандал, т. е. "выкидывал колено" на потеху товарищей и "острастку публики". Во-вторых, это был побочный сын всемогущего временщика, графа Аракчеева. Признанный гласно и открыто, любимый безгранично и избалованный донельзя своим отцом -- Шумский мог творить в столице безнаказанно все, что только могло прийти в его беззаботную голову.

Единственным утешением его врагов, а их было, конечно, много -- оставалась одна надежда, что Михаил Шумский хватит через край... зарежет или убьет кого-нибудь в трактире, или в театре, на глазах